

<https://doi.org/10.22363/2313-2337-2025-29-3-651-667>

EDN: AIAAKX

Научная статья / Research Article

Регламентация прав животных и концепция «многовидовой семьи» в странах Латинской Америки

Е.Н. Трикоз^{1,2}, Р. Бразил Дейлтон³, Е.Е. Гуляева⁴

¹ Московский государственный институт международных отношений (университет)
Министерства иностранных дел Российской Федерации, г. Москва,
Российская Федерация

² Российский университет дружбы народов, г. Москва, *Российская Федерация*

³ Университет Итауны, г. Итауна, *Федеративная Республика Бразилия*

⁴ Дипломатическая академия Министерства иностранных дел Российской Федерации,
г. Москва, *Российская Федерация*
alena_trikoz@mail.ru

Аннотация. Цель статьи – сравнительное исследование этико-правовых и культурологических основ регламентации отношений людей с домашними животными в контексте укрепления традиционной ценности гармоничной семьи в странах Латинской Америки. В целом ряде из них законодательно закрепляется более четкий правовой режим, предполагающий учет основных прав животных и их благополучие в рамках «ответственного владения» в семьях и преодоления практики «видового спесицизма». Методологически исследование построено на сочетании критических исследований теории прав животных (*critical animal studies*) и социологического анализа власти с фукоистскими корнями (концепт биополитики). Используя юридико-технический анализ, приемы компаративистики и доктринальные концепции ибероамериканских и североамериканских правоведов, авторы концептуализировали ключевые категории и предлагаемые решения в области защиты прав животных. Отдельная часть статьи посвящена положению домашних животных в составе «многовидовой семьи», которая проанализирована нами как правовая концепция и как новый субинститут законодательства в ряде стран Латинской Америки. На конкретном примере в Бразилии выявлены и проанализированы законодательные инновации о правах домашних животных и судебная интерпретация их статуса в «многовидовой семье».

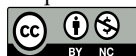
Ключевые слова: основные права животных, биополитика, *ius cosmopoliticum*, нечеловеческие животные, теория специальных видов, защита животных

Конфликт интересов. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Вклад авторов: Трикоз Е.Н. – введение, разделы 1–2 и заключение; Бразил Дейлтон Р. – общий обзор и раздел 3; Гуляева Е.Е. – научная обработка источников и перевод материалов. Все авторы ознакомлены с окончательной версией статьи и одобрили её.

Благодарности: Публикация подготовлена при поддержке МГИМО МИД России в рамках проекта XV конкурса молодых ученых МГИМО «Расширение горизонтов сотрудничества БРИКС».

© Трикоз Е.Н., Бразил Дейлтон Р., Гуляева Е.Е., 2025

This work is licensed under a Creative Commons Attribution-NonCommercial 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/legalcode>

Поступила в редакцию: 28 мая 2025 г.

Принята к печати: 15 июля 2025 г.

Для цитирования:

Трикоз Е.Н., Бразил Дейлтон Р., Гуляева Е.Е. Регламентация прав животных и концепция «многовидовой семьи» в странах Латинской Америки // RUDN Journal of Law. 2025. Т. 29. № 3. С. 651–667. <https://doi.org/10.22363/2313-2337-2025-29-3-651-667>

Animal Rights Regulation and the Concept of the “Multispecies Family” in Latin American Countries

Elena N. Trikoz^{1,2}, Deilton R. Brasil³, Elena E. Gulyaeva⁴

¹ MGIMO University, Moscow, Russian Federation

² RUDN University, Moscow, Russian Federation

³ University of Itaúna, Itaúna, Federative Republic of Brazil

⁴ Diplomatic Academy of the Ministry of Foreign Affairs, Moscow, Russian Federation

✉ alena_trikoz@mail.ru

Abstract. The aim of the article is to provide a comparative analysis of the ethical, legal, and cultural foundations regulating the relationships between people and pets, especially in the context of reinforcing the traditional value of a harmonious family in Latin American countries. In several of these countries, legislation has established a clearer legal regime that recognizes the fundamental rights and well-being of animals within the framework of “responsible ownership” in families and seeks to overcome the practice of speciesism. Methodologically, the study combines critical animal studies with a sociological analysis of power inspired by Foucauldian biopolitics. Through legal and technical analysis, comparative methods, and the doctrinal perspectives of Ibero-American and North American legal scholars, the article conceptualizes key categories and explores proposed solutions in the field of animal rights protection. A separate section of the article focuses on the status of pets within the “multi-species family”, analyzing this both as a legal concept and as an emerging sub-institution in the legislation of several Latin American countries. Using Brazil as a specific example, the article examines recent legislative innovations regarding the rights of domestic animals and the judicial interpretation of their status within the context of the “multi-species family”.

Key words: fundamental animal rights, biopolitics, ius cosmopoliticum, non-human sentient animals, speciesism theory, animal protection

Conflict of interest. The authors declare no conflict of interest.

Authors’ contribution: *Trikoz E.N.* authored the Introduction, Sections 1 and 2, and the Conclusion; *Brasil D.R.* prepared the general overview and Section 3; *Gulyaeva E.E.* was responsible for the scientific processing of sources and the translation of materials. All authors have read and approved the final version of the article.

Acknowledgements: This publication was prepared with the support of MGIMO of the Russian Ministry of Foreign Affairs as part of the XV MGIMO Competition for Young Scientists, titled Expanding the Horizons of BRICS Cooperation.

Received: 28th May 2025

Accepted: 15th July 2025

For citation:

Trikoz, E.N., Brasil, Deilton R., Gulyaeva, E.E. (2025) Animal Rights Regulation and the Concept of the “Multispecies Family” in Latin American Countries. *RUDN Journal of Law*. 29 (3), 651–667. <https://doi.org/10.22363/2313-2337-2025-29-3-651-667>

**Введение. Актуальные вопросы легитимации прав животных
в аспекте биополитики**

На фоне стремительного научно-технического прогресса и биотехнологической революции в странах Латинской Америки появляются новые векторы национальной биополитики. В стратегических документах ряда стран, в том числе входящих в состав членов и партнеров БРИКС+ и ОАГ, закрепляются амбициозные цели решить острые вопросы биобезопасности, геномного суверенитета, развивать высокоэффективные биотехнологии, расширять правовое регулирование биомедицины, контролировать генетические технологии, экосистемы и др. (Travieso, 2021:85–89). В латиноамериканских странах постепенно формируется особая юридическая и этическая нормативная база, направленная на регулирование процедуры и последствий геномных и иных биотехнологических исследований, защиту генетической неприкосновенности и охрану прав будущих поколений.

В этих инновационных областях юриспруденции возникает множество не только очевидных правовых, но также сугубо моральных и культурологических проблем, затрагивающих научные изыскания и практическое внедрение их результатов в медицине, агропромышленности, криминалистике. И если научные исследования в сфере генома человека и вопросы безопасности таких разработок для людей в большинстве латиноамериканских стран находятся под заметным контролем государственных властей (Trikoz, Mustafina-Bredikhina & Gulyaeva, 2021:67–86), то в отношении других животных организмов остается достаточно много пробелов в клинической практике, социальной сфере и собственно законодательстве.

В частности, методы, используемые учеными для достижения генетических изменений животных, обостряют вопросы их благополучия, включая воздействие генной инженерии на безопасное существование и порой фатальное влияние генетических модификаций (West, 2006:413–442). Большинство биомодификаций сельскохозяйственных животных направлено на повышение производительности животных, улучшения качества продуктов питания животного происхождения и биомедицинских продуктов, их устойчивости к болезням, экологической устойчивости и др. (Laible, 2009:123–127).

Применительно к домашним животным также постепенно складывается практика генного вмешательства, и возникают вопросы правовой защищенности. Клонированные животные считаются генетически модифицированными из-за прямого вмешательства и планирования при создании этих животных. Все больше случаев в ветеринарных клиниках, когда клиенты интересуются дополнительной услугой генной инженерии для клонирования своих умерших, но по-прежнему любимых домашних животных, которые воспринимаются как ушедшие члены семьи и компаньоны (Lee et al., 2005:436). Другой пример связан с созданием гипоаллергенных кошек, когда некоторые компании используют методы генной инженерии для удаления гена, который кодирует основной аллерген, и редактируют тем самым организм домашнего животного (Ormandy, Dale & Griffin, 2011:544–550).

В современный период отношения между людьми и животными подвергаются значительной трансформации и эволюции с точки зрения философско-этического переосмысления, расширения нормативной регламентации и правозащитной практики (Denisenko & Trikoz, 2020:1–7). В последние десятилетия внимание ученых переключилось на новые формы социальной организации, требующие некоторого пересмотра консервативной концепции правосубъектности и традиционных устоев института правового статуса личности.

Одним из таких новых явлений, привлекающих всевозрастающее внимание правоведов-исследователей и практиков, является так называемая «многовидовая» или «межвидовая» семья (англ. *multispecies family*; исп. *la familia multispecies*).

Институт «многовидовой семьи» распространился в доктрине и отдельных источниках в правовых системах стран Латинской Америки. Он имеет важное значение для понимания человеком его собственной социальной эволюции, окружающих экосистем, межличностных отношений в животном мире и сосуществования различных форм жизни. Эти аспекты исследуются в современной академической среде: появляются специальные научные работы, посвящаются отдельные монографии и выпуски журналов (Wise, 2005; Beauchamp, 2011; Francione, 2014). В таких работах проводится критический анализ динамики, преимуществ и проблем, связанных с «многовидовыми семьями», с точки зрения различных научных дисциплин и собственно юридической регламентации¹.

Концепция «многовидовой» или «межвидовой» семьи тесно связана с другой теорией – «видовой дискриминацией», или так называемым видовым спесицизмом (англ. *speciesism*), который активно противостоит расширению проявлений биополитики. Представители теории видовой спесицизма указывают на то, что человечество издревле было убеждено в собственном видовом превосходстве, ущемляя интересы и права одного биологического вида другим, осуществляя дискриминацию в отношении животных и растений.

Различные экофилософы, профессора биоэтики и антропологии составили основу движения *антиспесицистов*, которые считают такую презумпцию человеческой эксклюзивности не более обоснованной, чем дискриминация по цвету кожи или пола. Они выступают за соблюдение жизненно важных интересов высших животных как существ, способных чувствовать и сопереживать, ощущать наслаждение и боль, быть эмпатичными и войти в состав человеческой семьи, а потому имеющих право на собственную защиту, благополучие и достойное проживание (Singer, 1977).

Правовой статус животных и концепция защиты их прав в юридической теории

«Всемирное общество защиты животных», насчитывающее около трех сотен обществ-членов в разных странах мира², уделяет внимание гуманизации системы образования и национальных законодательств, сокращению числа бездомных животных с помощью стерилизации, спасению и оказанию помощи в случае природных катастроф и др.

¹ Например, теме многовидовой семьи посвящен спецвыпуск колумбийского научного журнала “Tabula Rasa” (Университет «Colegio Mayor de Cundinamarca», г. Богота, Колумбия). 2024. Вып. 49. URL: <https://www.revistatabularasa.org/numero49> (дата обращения: 20.05.2025).

² Российская общественная некоммерческая организация «Центр защиты прав животных «ВИТА» / Веганское общество России. URL: <http://www.vita.org.ru/about-us.htm> (дата обращения: 20.05.2025).

В правовом статусе животных по международной классификации зоозащитных организаций различаются два ключевых понятия: 1) «*animal rights*» как квазисубъектные права и свободы живых нечеловеческих существ, и 2) «*animal welfare*» как благополучие животных и их право на достойное существование.

Авторитетный идеолог движения за права животных, американский профессор философии *Том Риган* указывал на неотъемлемую ценность всех существ, которые являются «субъектами жизни» (“*subjects-of-a-life*”). Он аргументировал наличие моральных прав и у животных, как мы признаем право на уважение к «нерациональным существам, таким как младенцы и люди с тяжелыми умственными недостатками» (Regan, 1975:181–183). Австралийский профессор биоэтики из Мельбурнского университета *Питер Сингер*, который вслед за Дж. Бентамом утверждал, что интересы животных следует принимать во внимание из-за их способности испытывать страдания и боль (Singer, 2001:35).

Юрист и защитник прав животных из Гарвардской школы права *Элизабет Мелампи* обращается к проблеме эксплуатации диких животных в современном мире, будь то верблюжий бега, парады бабочек, фестиваль омаров, охота на гремучих змей, соревнования по прыжкам через лягушек, страусиные гонки или празднование дня сурка и подобные ритуалы, соревнования и «фестивали животных», с помощью которых люди используют животных для выражения своей культурной идентичности, общественной гордости и исторических традиций. Однако за пышностью и волнением скрывается более глубокий вопрос: стоит ли наше увлечение этими зрелищами тех страданий и дискомфорта, которые испытывают вовлеченные в эти зрелища животные как некие символы, а не как самостоятельные организмы? С состраданием и проницательностью нужно искать более этичные и чуткие способы почитать наши традиции и ритуалы, уважая при этом и права животных, и традиции, которые они вдохновляют (MeLampy, 2025).

В науке выделяется четыре известных подхода или теоретических альтернатив, которые могут использоваться для направления корректирующих действий по отношению к положению и правовому статусу нечеловеческих животных (*non-human sentient animals*).

Первый подход «*So Like Us*» связан с активизмом *Стивена Уайза* и антропоцентрическим проектом «Нечеловеческие права» (*Nonhuman Rights Project*), которые придерживаются «линейной иерархии» существ, не учитывают их видового разнообразия, судят о достоинстве животных по их сходству с людьми и поэтому распространяют правовую защиту лишь на определенных животных.

Второй подход основан на утилитаристской теории австралийского философа и профессора биоэтики *Питера Сингера*, идейно связанной с учением Джереми Бен-тама и Дж.С. Милля, которая фокусируется на боли и удовольствии как «универсальных нормах, направляющих жизнь всех разумных существ». Сингер использует термин «видовая дискриминация» для описания эксплуататорского обращения с животными (Singer, 2001). По мнению критиков, такой утилитарный подход «игнорирует адаптивные предпочтения и обособленность разных лиц, не распознает ценные эмоции...» (Nussbaum & Sunstein, 2004:299–320). В то же время, заикливаясь на боли чувствующих существ, этот подход не уделяет должного внимания другим аспектам жизни и статусу животных и реальным условиям их процветания (Nussbaum, 2023:74).

Третий подход американского философа-кантоведа *Кристины Корсгаарда*, ученицы Джона Ролза, базируется на кантианской моральной философии. В своей книге

«Близкие создания: наши обязательства перед другими животными» она утверждает, что кантианская этика поддерживает права животных (Korsgaard, 2018). В каждой конкретной ситуации следует относиться к животным «как к цели самой по себе»: допустимо использование их в качестве компаньонов и в вооруженных силах при соответствующем обращении, но в то же время несовместимо с их моральным статусом употребление в пищу или использование для медицинских экспериментов (Korsgaard, 2018:220–221). «Формирование отношений с животными и попытка понять, как они думают и что они чувствуют, является частью специфически понимаемого человеческого блага» (Korsgaard, 2018:237).

Однако приверженность К. Корсгаард «человеческой моральной исключительности» приводит к разрыву между людьми и животными, выделению людей как «нормативных самоуправляемых существ», принципиально отличающихся своей уникальной «моральной рациональностью» (Nussbaum, 2023:103–104). Рациональному уму людей Корсгаард противопоставляет инстинктивное самосознание животных (Besedin, 2020:99–103).

Четвертый подход именуется «*подходом возможностей*» в книге под редакцией американских философов и профессоров права Касса Санстейна и Марты Нуссбаум (Sunstein & Nussbaum, 2012) как один из видов правозащитного подхода, сфокусированный на понимании справедливости по отношению к правам инвалидов и правам животных. Этот взгляд ведет к переосмыслению интересубъектной сферы между людьми и нелюдьми (нечеловечными животными). Его сторонники поднимают важные правовые и политические вопросы, лежащие в основе движения за права животных и их благополучие, этические аспекты собственности на животных, защиту их от неоправданных страданий, способность делать ими собственный выбор, свободный от человеческого контроля, и др.

Профессор М. Нуссбаум выпустила недавно книгу «Справедливость для животных: наша коллективная ответственность», где попыталась представить способ модернизации в этом контексте традиционной концепции общественного договора и предложила всеобъемлющую теорию справедливости, которая должна включать в себя и теорию прав животных (Nussbaum, 2023). По ее мнению, несправедливость по отношению к животным повсеместна – в домах людей, лабораториях, зоопарках, аквариумах, на фермах, в деградировавших местах обитания, везде люди мешают действием или бездействием чувствующим животным, имеющим от природы «достойный шанс на процветающую жизнь» (Nussbaum, 2023:9). Должна быть «коллективная ответственность» за устранение этой широко распространенной несправедливости, для чего нужна «адекватная теория для направления наших усилий» (Nussbaum, 2023:16–17, 312). ее и предлагает профессор Нуссбаум как «всеобъемлющую философско-политическую теорию», или особый подход, основанный на возможностях (*capabilities approach*), выступающий основой инклюзивных и стабильных политических институтов в плюралистических обществах. Хотя этот подход в целом критикуется исследователями как отличающийся неоправданной антропоцентрической предвзятостью (Brooks, 2015:139–174).

В литературе выдвигается новая теория *ius cosmopoliticum* как некий демократический идеал глобальной справедливости, основанный на логоцентризме людей и владении ими территорией. Ее сторонники призывают не относиться к «нечеловеческим животным» как к чужакам или ограниченному видовому сообществу, а применять по отношению к ним этику всеобщего гостеприимства

и кантианское космополитическое мышление, воспринимать их как сограждан нашего политического сообществ, и управлять взаимодействием с животными на справедливых условиях, уважая их достоинство и благополучие существования (Cooke, 2014:930–944).

Профессора *Сью Дональдсон* и *Уилл Кимличка* в книге «Зоополис» (Donaldson & Kymlicka, 2011) представили политическую теорию прав животных с целью закрепления позитивных и справедливых отношений с разными видами животных, включая их право голоса, право на политическое представительство, право на проживание и членство в многовидовой семье (Bailey, 2013:1–13). В другом своем эссе «Животные и границы гражданства» авторы подчеркивают, что для обеспечения достоинством и благополучием животных, которые участвуют в жизни нашего общества, должны складываться взаимовыгодные отношения с животными. Они считают, что это возможно путем предоставления одомашненным животным «статуса гражданства», включая соответствующие гражданские права.

Самый ранний законодательный акт о защите прав животных был принят в 1822 г. британским парламентом («*билль Мартина и Эрскина*»)³. Он был инспирирован громким судебным делом 1822 г. о жестоком обращении с животным, в результате разбирательства по которому был вынесен приговор против двух людей, избивших лошадь в Лондоне и получивших за это штраф 20 шиллингов (Legge & Brooman, 1997:41). По новому закону к ответственности в виде денежного штрафа (до 5 фунтов ст.) или двух месяцев тюрьмы мог быть привлечен любой подданный за «избиение, плохой уход или жестокое обращение с лошады, мерином, мулом, ослом,

быком, коровой, бычком, овцой или другим скотом» (Phelps, 2007:100–101). Этот «закон Мартина» был дополнен рядом поправок в 1835, 1849 и 1876 гг., в частности, были запрещены «собачьи и петушиные бои». В 1878 г. в Великобритании появился первый закон о процедуре использования животных в эксперименте, в частности, применение средств по обезболиванию и введение системы лицензирования. Закон о животных 1911 г. распространил правовое регулирование на все виды животных организмов (птиц, зверей, рыб, пресмыкающихся).

Первая в мире «анималистическая хартия» появилась в США – «*Декларация прав животных*» 1866 г., которую приняла легислатура штата Нью-Йорк по инициативе Генри Берга, основателя ASPCA («Американское общество по предотвращению жестокости в отношении животных»).

Спустя полтора века Испания стала первой страной, принявшей в 2008 г. парламентскую резолюцию о правах животных на жизнь и свободу, где речь шла о частичной правосубъектности крупных человекообразных обезьян⁴. Документ ввел запрет на опыты на обезьянах, использование в цирковых и телевизионных программах, ухудшение условий в зоопарках и т.д.

Австрийские защитники животных не так давно дошли даже до Европейского суда, требуя предоставить шимпанзе по имени Мэтью статус юридического субъекта⁵.

³ An Act to Prevent the Cruel and Improper Treatment of Cattle, 1822 July 22 (3 Geo. 4. C. 71).

⁴ Glendinning, L. (2008) Spanish parliament approves 'human rights' for apes. The Guardian. June 26.

⁵ Hall, A. European Court agrees to hear chimp's plea for human rights. The Daily Mail. 21 May, 2008. URL: <https://www.dailymail.co.uk/news/article-1020986/European-Court-agrees-hear-chimps-plea-human-rights.html> (accessed: 20.05.2025).

Важное значение в юридизации прав животных имеет международная инициатива – проект «*Высшие приматы*» (GAP), который предпринимает успешные попытки бороться с видовым неравенством в политике ряда стран. Так, по их требованию в 2014 г. суд в Аргентине предоставил основные личные права орангутангу в зоопарке Буэнос-Айреса. В 2016 г. другой аргентинский суд предоставил аналогичные основные права шимпанзе.

Концепция «многовидовой семьи»: сравнение законодательства о домашних животных

Когда семьи заводят домашних или одомашненных животных и воспринимают их как «членов семьи», так как те активно и эмоционально участвуют в их повседневной жизни, то такие отношения выходят за традиционные рамки восприятия животных как просто *домашних питомцев*. Вместо этого они могут признаваться «членами семьи» в силу сильной и добровольной эмоциональной привязанности и поэтому «заслуживают такого же отношения и заботы, как и другие члены семьи» и особого правового статуса в законодательстве (Oliveira, 2006:25–39). В качестве обоснования выступает тезис, что эмоциональная привязанность с животными укрепляет семейную динамику и сам институт традиционной семьи, создавая такую гармоничную среду, в которой люди заботятся о животных не только физически, но и уважают в них «разумных существ», ценят их за вклад в совместное сосуществование. Такие эмоциональные связи в семье способствуют благополучию и психологическому равновесию самих опекунов домашних животных.

В этом смысле эмоциональные взаимодействия и коммуникация между людьми и их животными-компаньонами становятся структурообразующим элементом в контексте «многовидовой семьи», как зарождающегося правового института в ряде законодательств стран Латинской Америки. Эта правовая концепция и субинститут законодательства подчеркивает важность взаимной привязанности и ежедневного взаимодействия, когда к животным относятся как к настоящим членам семьи, которые наравне с другими получают заботу, любовь и внимание.

В современный период меняющихся общественных парадигм и правовых инноваций животные, которые раньше рассматривались в гражданском праве как обычные «физические объекты», переместились в центр внимания юристов в ряде стран. К ним больше не относятся как к простому имуществу, а именно как к особым существам, имеющим субъективное право на «заботу» или «опеку». Этот тренд отражает повышенную ответственность, которая возлагается на лиц, обеспечивающих должное обращение и благополучие своих питомцев, в условиях каждодневного взаимодействия с животными (Leão, Marangoni & Oliveira, 2024:351).

По мнению профессора С.П. Сантоса, можно рассматривать трехмерный подход к решению проблемы опеки над домашними животными в этом меняющемся правовом и социальном ландшафте. Так, в случае расторжения брака или распада супружеского партнерства должны учитываться интересы не только самих людей и семьи как коллективной единицы, но и будущее домашнего животного, что подчеркивает важность заботы и опеки над ним (Santos, 2020:19–25).

Предложенный «трехмерный подход» к опеке над животными основывается на следующих основных принципах: 1) запрет жестокости как основополагающий правовой принцип; 2) признание разумности животных, то есть их способности чувствовать боль и удовольствие; и 3) соблюдение наилучших интересов семьи,

включая интересы детей и социально-экономические условия бывших супругов. Такой подход ведет к переосмыслению проблемы ухода за животными или опеки над ними и учитывает благополучие всех сторон правоотношения или лиц, вовлеченных в конфликт, придавая равное значение людям, животным и общей семейной динамике (Santos, 2020:19–39).

На внутригосударственном уровне в ряде государств, особенно Иberoамериканской правовой семьи и ряде членов БРИКС, складывается специализированное законодательство, посвященное институту охраны дикой природы, включающее уголовные и административные меры ответственности за экологически вредную деятельность по отношению к животным, жестокое обращение с ними и т.д. В большинстве стран в гражданском законодательстве животные по-прежнему классифицируются как имущество, или «вещи», и не наделяются даже частичной правосубъектностью.

Так, *Гражданский кодекс Чили* устанавливает, что домашними животными являются «животные, принадлежащие к таким видам, жизнь которых обычно зависит от человека, как например куры и овцы» (ст. 608 ГК). Согласно той же статье ГК, к домашним животным следует также относить одомашненных животных, «которые несмотря на то, что являются дикими по своей природе, привыкли к домашнему образу жизни и признают, в определенном смысле, господство человека», и которые «сохраняя привычку возвращаться под защиту или зависимость от человека, следуют господству домашних животных».

В Чили недавно принят новый Закон о совместной собственности на недвижимость 2022 г., который попытался разрешить давний практический спор в рамках института «совместной собственности» о законности запрета содержания в квартирах «домашних животных или животных-компаньонов» (González, 2024:19–25).

Действительно, правила кондоминиума по чилийскому законодательству не могут запрещать совладельцам, арендаторам или жильцам содержать домашних животных и животных-компаньонов в соответствующих помещениях. Однако могут вводиться ограничения и запреты в отношении использования указанными животными общего имущества, чтобы не нарушать спокойствия и не подвергать риску безопасность, здоровье и пригодность для проживания в кондоминиуме, особенно в случае потенциально опасных пород собак, в отношении которых применяются особые меры безопасности и особые условия владения. Владелец животного несет ответственность за любой ущерб или грязь, которые оно может причинить в местах общего пользования кондоминиума, а также за любой причиненный ущерб людям или имуществу третьих лиц. Кроме того, владельцы домашних животных должны иметь список прививок и осмотров своих животных, а в случае отказа на нарушителя кондоминиум может подать заявление в компетентный местный суд, о чем было соответствующее разъяснение⁶.

Постепенно в Чили складывается научная аналитика и практика в контексте нового Закона о совместной собственности в кондоминиумах с учетом действующего законодательства о животных и стандартов обращения с ними⁷ (Corral, 2018). В литературе делается вывод, что этот чилийский закон развивает важный «принцип защиты животных», повышает стандарты защиты их благополучия и включает

⁶ Resolución 721 exenta del Ministerio de Vivienda y Urbanismo de 2023, art. 8.

⁷ Corral, T.H. El caso de Angus: reglamento de copropiedad y tenencia de mascotas. Derecho y Academia: el blog de Hernán Corral. 2018. URL: <https://corraltalciani.wordpress.com/2018/06/24/el-caso-de-angus-reglamento-de-copropiedad-y-tenencia-de-mascotas> (accessed: 20.05.2025).

особые правила «ответственного владения» (исп. *tenencia responsable*) (Henríquez, 2021:235–243). Владельцы или жильцы жилых помещений могут содержать домашних животных только в соответствии с Законом №21.020 «Об ответственном владении домашними животными и животными-компаньонами», идентификационные и контактные данные которых должны быть указаны на ошейнике домашнего животного и в реестре, который будет вести администратор, с указанием вида животного, владельца и адреса.

Появление в законодательстве Чили более четких правовых критериев, затрагивающих права и благополучие животных, подпадающих под режим «ответственного владения» в рамках совместной собственности на недвижимость, стало первым робким шагом в свете появившейся необходимости юридического регулирования «многовидовой природы» общества (Pezzetta, 2020:29–36) и защиты т.н. «многовидовых семей», многие из которых живут в режиме совместного владения жилой недвижимостью (González, 2023:115–127).

В Мексике изучается феномен «ксеносемьи» (исп. *xeno-familias*) и явление «контрвидизма» (исп. *contra-especismo*). Так, мексиканский правовед Национальной школы антропологии и истории Д.А. Варела Трехо исследует отношения эмоциональной близости и «межвидового родства» между одинокими пожилыми людьми с ограничениями по здоровью и их собаками-компаньонами (Varela Trejo, 2024:33–54). Как отмечает испанский ученый Дж. Саес Олмос, появление т.н. «многовидовых семей» изменяет роль некоторых видов животных как *альтер-гуманоидов* в современных западных или вестернизированных обществах, генерируя новые представления об их месте в социальной структуре (Sáez, 2021).

В Колумбии «Законом о защите животных» 2016 г. были изменены формулировки в национальном Гражданском кодексе, согласно которому животные получили своего рода промежуточный статус между имуществом и человеком, дрейфующий постепенно в судебной практике то к одному, то к другому полюсу, в зависимости от вида животного и судебной ситуации. Так, в одном из дел Верховного суда Колумбии в 2017 г. было признано, что животные являются субъектами права. В то же время Конституционный суд страны в 2020 г. посчитал их объектами конституционно-правовой защиты. Хотя этот же высший суд не раз выносил постановления, в которых юридически признавал различные нечеловеческие сущности, называл их субъектами права (Gaitán, 2024:111). Например, в 2016 г. Конституционный суд признал реку Аtrato на северо-западе Колумбии, ее бассейн и притоки живым объектом, по отношению к которому государство и этнические общины вправе осуществлять защиту, сохранение, поддержание и восстановление⁸.

Сам президент Колумбийской республики Густаво Франсиско Петро Уррего в своей речи указывал на то, что в понятие «многовидовая семья» (исп. *familia multiespecie*)» включаются не только люди, «но и собака, и кошка, и различные другие, и многие другие и иные виды живых существ». «Анимализм – это не просто модный тренд, это особая философия, которая исходит из того, что если мы хотим продолжать жить, то должны примириться с природой и в единении с ней с животными»⁹ (Petro, 2022).

⁸ Corte Constitucional de Colombia. Sentencia №T-622 de 2016 que reconoce al río Atrato como sujeto de derechos. URL: <https://justiciaambientalcolombia.org/sentencia-rio-atrato> (accessed: 20.05.2025).

⁹ Petro, G. Gustavo Petro propone política pública contra el maltrato animal // Tercer Canal. 2022, 9 abril. URL: <https://youtu.be/RZPRyAR1hj4> (accessed: 25.05.2025).

В 2021 г. здесь был принят специальный Закон, посвященный созданию *семейной полиции*, ее структуре и полномочиям¹⁰. Эти полицейские участки выполняют судебные функции, и подпадающие под их юрисдикцию животные рассматриваются не только как часть семейной ячейки в социологическом контексте, но и как надежные определенными признанными правами, которые делают возможным решение спорных вопросов по поводу их судьбы и благополучия. Так, при распаде семьи происходит определение особых обязанностей по уходу за животными, режима их посещений и алиментных обязательств в их адрес. Одно из подобных дел рассматривалось в колумбийском городе Медельин, где в 2019 г. отделение семейной полиции провело примирительное разбирательство по поводу алиментов в «многовидовой семье», режима посещений домашней собакой и ухода за ней после расставания человеческой пары. Это означало, что полицейский участок признал собаку в качестве субъекта взаимосвязанных семейных отношений, а не просто как предмет спора или имущество семьи (Gaitán, 2024:112).

Законодательство о животных и судебная интерпретация их статуса в «многовидовой семье»: опыт Бразилии

Закон Бразилии от 3 января 1967 г. посвящен охране дикой природы, определяет диких животных как «животных любого вида на любой стадии развития, которые естественным образом живут вне неволи»¹¹. В другом Законе от 12 февраля 1998 г. содержатся уголовные и административные меры наказания за экологически вредную деятельность, и он подразделяет самих животных на диких, домашних и одомашненных, как местных, так и экзотических¹². Что касается «одомашненных животных», которые прямо зависят от заботы человека, то бразильские ученые выделяют особые критерии, позволяющие отличить животных, которые считаются просто собственностью (семейным имуществом), от тех, которые признаются частью семейной ячейки (Félix, Beserra & Napolis, 2024:380). Эти критерии включают в себя тесные эмоциональные связи, участие в семейных ритуалах, моральное уважение, признание в семье и взаимную привязанность.

По мнению П. Сингера, животные обладают собственной неотъемлемой ценностью, правами и интересами, не зависящими от их полезности или выгоды для человека, наблюдаются заметные изменения в том, как люди относятся к домашним и одомашненным животным (Singer, 2010). Теперь эти отношения часто связаны с взаимной привязанностью, когда люди стремятся поддерживать близость с определенным животным, демонстрируя привязанность и отдавая предпочтение этой связи (Ramires, 2003; Félix, Beserra & Napolis, 2024).

Высший суд справедливости Бразилии рассматривал в 2018 г. специальную жалобу №1.713.167 – Сан-Паулу (2017/0239804-9), в контексте которой министр Луис Фелипе Саломая затронул вопрос о правовом статусе животных. Он отметил, что в

¹⁰ *Congreso de Colombia*. 2021. Ley №2126 de 2021. Por la cual se regula la creación, conformación y funcionamiento de las comisarias de familia, se establece el órgano rector y se dictan otras disposiciones.

¹¹ *Brasil*. Ley n° 5.197, de 03 de enero de 1967. Dispone sobre la protección a la fauna y da otras providencias. Publicada en el Diario Oficial de la Unión, 04/01/1967. URL: http://www.planalto.gov.br/ccivil_03/leis/15197.htm (accessed: 20.05.2025).

¹² *Brasil*. Ley n° 9.605, de 12 de febrero de 1998. Dispone sobre las sanciones penales y administrativas derivadas de conductas y actividades lesivas al medio ambiente, y da otras providencias. Publicada en el Diario Oficial de la Unión, 13/02/1998. URL: http://www.planalto.gov.br/ccivil_03/leis/19605.htm (accessed: 20.05.2025).

соответствии с ГК Бразилии в редакции от 10 января 2002 г. животные классифицируются как имущество, или «вещи», но не как лица или субъекты права и не наделяются правосубъектностью. И даже если животное является любимым домашним питомцем и получает заботу в составе семьи, эта эмоциональная связь не меняет его юридической типологии. Однако в этом деле судья подчеркнул, что *животные-компаньоны* обладают уникальной субъективной ценностью для своих владельцев, вызывая глубокие эмоциональные связи, которые отличают их от других объектов частной собственности. Он также пояснил, что существующие законодательные рамки института собственности не подходят для разрешения семейных споров, связанных с домашними животными, поскольку такие чувствительные дела выходят за сферу традиционных аспектов собственности или правового владения¹³.

Обращаясь к суду в рамках данного дела, министр Луис Фелипе Саломау утверждает, что современная правовая система Бразилии уже не может игнорировать значение особой связи между людьми и их домашними животными. Когда семья распадается и возникает спор о домашнем животном, юридическое решение по делу должно учитывать обстоятельства конкретной ситуации, социальный контекст и меняющиеся общественные ценности.

В 2023 г. в Палату депутатов бразильского парламента был внесен законопроект № 179/2023, который подчеркивал важность создания гармоничных и сострадательных отношений, улучшающих качество жизни всех членов «многовидовой семьи», и отношение к животным с достоинством и уважением, с целью интегрировать их в семью и удовлетворить их физические, эмоциональные и медицинские потребности. Он также вводит концепцию «общинной многовидовой семьи», когда группа людей коллективно заботится об общественных животных, не назначая конкретного человека единственным ответственным опекуном (*статьи 16 и 17*). Закон обязывает идентифицировать и регистрировать животных-компаньонов, чтобы помочь отследить потерявшихся животных и предотвратить отказ от них (*статьи 18–22*). Эти меры в целом соответствуют международным стандартам благополучия животных, способствуют более ответственному и гармоничному сосуществованию людей и животных в одном социуме.

Центральная *статья 4* Законопроекта №179/2023 устанавливает основные права животных-компаньонов, такие как право на жизнь, защита от незаконной и произвольной эвтаназии, право на полноценное и здоровое питание, право на безопасное жилье, соответствующее гигиеническим нормам, право на ветеринарную помощь, право на взаимодействие с семьей, право на свободу передвижения, право на ограниченное рабочее время для служебных животных.

В законопроекте, в частности, поясняется, что животным должно быть предоставлено достаточно места для свободного передвижения, избегая ненужного заточения, которое может привести к физическим и психологическим страданиям. Это право имеет решающее значение для предотвращения стресса и деструктивного поведения, которые часто возникают в результате неправильного содержания животных. Для животных, выполняющих трудовые функции (например, собак-поводырей или служебных животных), гарантируется, что их рабочее время будет разумным и

¹³ *Brasil*. Superior Tribunal de Justicia. Recurso Especial nº 1.713.167 – SP (2017/0239804-9). Relator Ministro Luis Felipe Salomão. Recurrido: V.M.A. Juzgado, 2028. URL: <http://www.stj.jus.br/websecstj/cgi/revista/REJ.cgi/ATC?seq=88441759&tipo=5&nreg=201702398049&SeqCgrmaSessao=&CodOrgaoJgdr=&dt=20181009&formato=PDF&salvar=false> (accessed: 20.05.2025).

не будет требовать от них чрезмерных усилий, предотвращая тем самым их эксплуатацию и обеспечивая им достаточно времени для отдыха и восстановления сил. Также поясняется, что животные-компаньоны не могут напрямую осуществлять гражданские права и должны быть представлены своими опекунами-людьми (*статья 3*).

Законопроект приравнивает животных-компаньонов к детям с точки зрения эмоциональной привязанности и передает их в ведение опекунов, которые отвечают за реализацию и обеспечение их прав. Эта опека включает в себя право давать животному имя, следить за его воспитанием и обучением, осуществлять заботу и надзор, назначать конкретное лицо опекуном, представлять животное в юридических делах, управлять любым имуществом, связанным с животным (*статьи 8 и 9*). Наконец, именно опекуны несут ответственность за любой ущерб, причиненный их подопечными животными, за исключением случаев, когда виноват сам потерпевший или ущерб возник в результате форс-мажора (*статья 10*).

Законопроект № 179/2023 представляет собой инновационную перспективную правовую базу для признания животных-компаньонов в качестве неотъемлемых членов «многовидовой семьи», и знаменует собой значительный сдвиг в бразильском законодательстве, официально признавая животных-компаньонов частью семьи. В развитие положений этого проекта стали появляться тематические исследования, которые базируются на идее о том, что эмоциональная связь между людьми и животными является основополагающим элементом в создании «многовидовых семей». «Эмоциональная привязанность» выступает структурирующим элементом Законопроекта № 179/2023, который вероятно окажет положительное влияние в целом на бразильский правовой контекст, позволяя домашним и одомашненным животным быть полноправными членами семьи.

Дальнейшие перспективы развития в сфере прав животных

На сегодняшний момент в ряде стран БРИКС+ текущее законодательство юридическая доктрина и правоприменительная практика отражают наиболее современный гуманный подход к защите прав животных. Как показало наше исследование, здесь хотя и фрагментарно, но тем не менее устанавливаются их основные права и закрепляются обязанности их опекунов, определены также правила содержания и меры защиты животных в разных жизненных ситуациях, обеспечивается приоритет благополучия животного, меры против злоупотребления правами и плохого обращения с животными-компаньонами.

В странах Латиноамериканского региона сложились два основных пути принятия решения по вопросу дальнейшей судьбы животных в случае отсутствия соглашения между сторонами или невыполнения достигнутых договоренностей по поводу этого вопроса.

Первый вариант заключается в строгом применении правил института собственности, что влечет за собой сбор доказательственных материалов для разрешения спора в пользу одного из членов семьи (например, квитанции о покупке собаки, свидетельство об усыновлении, оплата ветеринарных услуг, питания, страховки и т.д.). И чаша судебных весов склоняется в пользу стороны, доказавшей законность приобретения животных как имущества и несения расходов по их содержанию (González, 2019:163–170).

Напротив, второй путь предполагает рассмотрение спора по аналогии с вопросами, касающимися положения детей в семье. В этом случае решение будет приниматься не на основе доказательств, связанных с правомочиями собственности, а на основе того, что можно условно назвать «наилучшими интересами животного». Семейный суд или комиссар по делам животных берет за отправную точку эмоциональную связь и способность сторон заботиться о них, что отличается по своей сути от простого содержания или «заботы» о семейном активе. Такое решение, на наш взгляд, ставит животное в положение субъекта, агента или же активного участника, главного героя в цепочке взаимоотношений, составляющих «многовидовую семью». Этот путь на основе отграничения имущественных правоотношений от эмоциональных отношений с животным согласуется с идеей о том, что определяющим фактором конфигурации семьи является эмоциональная связь между ее членами (Gaitán, 2024:111–112).

Как мы увидели ранее, в отдельных странах БРИКС+ законодательные требования регистрации и идентификации животных помогают проводить эффективную политику контроля и ухода, способствуя созданию более безопасной и здоровой среды обитания как для животных, так и для людей. Такой подход способствует более гармоничному и этичному сосуществованию людей и животных, обеспечивает животным-компаньонам уважение и достоинство в семье, устанавливает новый стандарт ответственности и заботы в отношениях между человеком и животным (Faria, 2012:67–76).

Заключение

Таким образом, рассмотренный нами на примере отдельных стран, включая латиноамериканские государства (и прежде всего Бразилию), инновационный институт «многовидовой семьи» и коррелирующий ему правовой режим защиты животных-компаньонов имеет четко обозначенное предназначение – гарантировать, восстанавливать и предотвращать правонарушения в этой сфере или злоупотребления правами членов семьи, включая права домашних животных и птиц.

Доктринальное обоснование и официальное использование концепции «многовидовой семьи» неотделимы от перспективы законодательной отмены статуса животных как разновидности имущества, товара, ресурса или предмета собственности. К постепенному введению этой концепции в отдельные национальные правовые системы привели социологические наблюдения и складывающаяся этическая практика обращения, согласно которым структура отношений между людьми и их животным-компаньоном в семье не может быть типично имущественной, а по сути своей выступает как аффективная, эмоционально выраженная тесная связь.

Формирующийся институт «многовидовой семьи» позволяет увидеть своего рода практический синтез между экоцентрическими (биоцентрическими) и анималистическими (сенсецентрическими) позициями специалистов по правам животных, что позволяет переосмыслить эмоциональные и материальные условия сосуществования вовлеченных субъектов – животных (именно как субъектов, а не просто объектов).

References / Список литературы

- Nussbaum, M. & Sunstein, C. (eds.) (2004) *Animal Rights*. New York, Oxford University Press.
- Nussbaum, M. & Sunstein, C. (eds.) (2012) *Animal Rights: Current Debates and New Directions*. Oxford, Oxford Academic Publ.
- Bailey, Ch. (2013) Zoopolis. A Political Renewal of Animal Rights Theories. *Dialogue*. 1–13. <https://doi.org/10.1017/S0012217313000851>
- Beauchamp, T.L. (2011) *Rights Theory and Animal Rights*. Oxford, Oxford Academic Books Publ.
- Besedin, A.P. (2020) Disorder in the Kingdom of Goals (review of the book: Korsgaard, Ch.M. Fellow creatures: Our obligations to the other animals. Oxford: Oxford University Press, 2018. 252 p.). *Kantovsky sbornik*. 39 (2), 99–108. (in Russian). <https://doi.org/10.5922/0207-6918-2020-2-6>
- Беседин А.П. Беспорядок в царстве целей (рец. на кн.: Korsgaard Ch.M. Fellow creatures: Our obligations to the other animals. Oxford: Oxford University Press, 2018. 252 p.) // Кантовский сборник. 2020. Т. 39. № 2. С. 99–108. <https://doi.org/10.5922/0207-6918-2020-2-6> EDN: HWMBYP
- Brooks, T. (2015) The Capabilities Approach and Political Liberalism. In: Brooks T. & Nussbaum M.C. (eds.) *Rawls's Political Liberalism*. New York Chichester: Columbia University Press. 139–174.
- Cooke, S. (2014) Perpetual Strangers: animals and the cosmopolitan right. *Political Studies*. 62 (4), 930–944. <https://doi.org/10.1111/1467-9248.12054>
- Denisenko, V. & Trikoz, E. (2020) Biopolitics and legal issues of emergency situations in the context of coronavirus pandemic. *E3S Web of Conferences*. (175), 14013. 1–7.
- Donaldson, S. & Kymlicka, W. (2011) *Zoopolis: A Political Theory of Animal Rights*. New York, Oxford University Press.
- Faria, C. (2012) Muerte en las flores: el conflicto entre el ecologismo y la defensa de los animales no humanos. *Viento Sur*. 125, 67–76. (In Spanish).
- Félix, M.C.L., Beserra, V.A. & Napolis, I.L. (2024) La afectividad como fundamento para la alteración del estatus jurídico y el consecuente reconocimiento de los animales no humanos domésticos y domesticados como miembros de la familia multiespecie en Brasil. *Bioderecho y derechos de los animales. Florianópolis: CONPEDI*. 380. (In Spanish).
- Francione, G.L. (2014) *Animal Rights*. MIT Press Publ.
- Gaitán, I.D.Á. (2024) Familia multiespecie y lazo afectivo como «base de la sociedad»: lecturas jurídico-políticas. *Tabula Rasa. Bogotá*. (49), 111. (In Spanish).
- González, I. (2019) El fenómeno de las familias multiespecie y los desafíos que supone para el derecho. *Personalidad jurídica de los animales no humanos y nuevas tendencias en derecho animal*. Ediciones Jurídicas de Santiago, 2019. P. 163–176. (In Spanish).
- González, M.I. (2021) Convivencia con animales no humanos en condominios: algunas notas a propósito de su prohibición y facultades de los jueces para modificar los reglamentos de copropiedad en Chile y los reglamentos de propiedad horizontal en Argentina. *Revista Chilena de Derecho Animal*. 3, 81–101. (In Spanish).
- González, M.I. (2024) Los demás animales en la nueva ley de copropiedad inmobiliaria chilena: un análisis desde el derecho animal. *Tabula Rasa*. 49, 19–29. (In Spanish).
- González, M.I. (2023) La familia multiespecie: una aproximación desde el Derecho Animal. *Derecho Animal Latinoamericano. Editorial Porrúa*. 115–127. (In Spanish).
- Henríquez, R.A. (2021). El principio de protección del bienestar animal: elementos para su configuración en el derecho chileno. *Revista de Bioética y Derecho*. 3, 235–252. (In Spanish).
- Korsgaard, Ch.M. (2018) *Fellow Creatures: Our Obligations to the Other Animals*. Oxford, Oxford University Press.
- Laible, G. (2009) Enhancing livestock through genetic engineering – Recent advances and future prospects. *Comp Immunol Microbiology*. 32, 123–127. <https://doi.org/10.1016/j.cimid.2007.11.012>.

- Leão, J.B.M., Marangoni, P.H. & Oliveira, M.E.A. (2024) De la custodia compartida de animales de compañía: análisis del Proyecto de Ley (PL) nº 941/2024, de la Cámara de Diputados. *Bioderecho y derechos de los animales*. 351. (In Spanish).
- Lee, B.C., Kim, M.K., Jang, G. et al. (2005) Dogs cloned from adult somatic cells. *Nature*. 436:641. <https://doi.org/10.1038/436641a>.
- Legge, D., Brooman, S. (1997) *Law Relating to Animals*. London, Cavendish Publishing.
- McLampy, E. (2025) *Forget the Camel: The Madcap World of Animal Festivals and What They Say about Being Human*. Apollo Publishers.
- Nussbaum, M. (2023) Justice for Animals: Our Collective Responsibility. *Journal of Bioeconomics*. 25 (1), 1–9. <https://doi.org/10.1007/s10818-023-09332-y>
- Oliveira, S.B.C. (2006) Sobre hombres y perros: un estudio antropológico sobre afectividad, consumo y distinción: Disertación de Maestría / Universidad Federal de Río de Janeiro. Río de Janeiro, 25–39. (In Spanish).
- Ormandy, E.H., Dale, J. & Griffin, G. (2011) Genetic engineering of animals: ethical issues, including welfare concerns. *Can Vet Journal*. 52 (5), 544–550.
- Pezzetta, S. (2020) El giro animal: impacto y desafíos para el derecho latinoamericano. *Revista Chilena de Derecho Animal*. 1, 29–36. (In Spanish).
- Phelps, N. (2007) *The Longest Struggle: Animal Advocacy from Pythagoras to PETA*. New York, Lantern Books Publ.
- Ramires, V.R.R. (2003) Cognición Social y Teoría del Apego: Posibles Articulaciones. *Revista Psicología: Reflexión y Crítica*. 16 (2), 403–410. (In Spanish).
- Regan, T. (1975) The Moral Basis of Vegetarianism. *Canadian Journal of Philosophy*. 5 (2), 181–214.
- Sáez, O. J. (2021) *La familia multiespecie: perspectiva teórica y horizonte político social*. Tesis de doctorado. Universidad de Murcia. (In Spanish).
- Santos, S.P. (2020) Custodia de animales: una perspectiva tridimensional. *Revista Brasileira de Derecho Civil. Belo Horizonte*. 25 (3), 19–39. (In Spanish).
- Singer, P.A. (2001) *Utilitarian Defense of Animal Liberation*. Environmental Ethics. In: Pojman, L. (ed.) Stamford, CT: Wadsworth Publ.
- Singer, P. (2010) *Liberación animal. Traducción: Marly Winckler, Marcelo Brandão Cipolla. Revisión técnica: Rita Paixão*. São Paulo, Editora WMF Martins Fontes Publ. (In Spanish).
- Singer, P. (1977) *Animal liberation: A New Ethics for Our Treatment of Animals*. New York, HarperCollins Publ.
- Travieso, J.A., Ferraro, A.V., Trikoz, E.N. & Gulyaeva, E.E. (2021) Bioethical Aspects of Human Rights in Modern Latin America. *Kutafin Law Review*. 8 (1), 85–98. <https://doi.org/10.17803/2313-5395.2021.1.15.085-098>
- Trikoz, E.N., Mustafina-Bredikhina, D.M. & Gulyaeva, E.E. (2021) Legal regulation of gene editing procedure: USA and EU experience. *RUDN Journal of Law*. 25 (1), 67–86. <https://doi.org/10.22363/2313-2337-2021-25-1-67-86> (in Russian).
- Трикоз Е.Н., Мустафина-Бредихина Д.М., Гуляева Е.Е. Правовое регулирование процедуры генного редактирования: зарубежный опыт // Вестник РУДН. Серия: Юридические науки. 2021. Т. 25. № 1. С. 67–86. <https://doi.org/10.22363/2313-2337-2021-25-1-67-86>
- Varela Trejo, D.A. (2024) Mi gran compañera. La familia multiespecie y las potencias del afectar. *Tabula Rasa*. 49, 33–54.
- West, C. (2006) Economic and ethics in the genetic engineering of animals. *Harvard Journal of Law Technol*. 19, 413–442.
- Wise, S.M. (2005) *Animal Rights, One Step at a Time*. Oxford, Oxford Academic Books Publ.

Сведения об авторах:

Трикоз Елена Николаевна – доктор юридических наук, доцент, доцент кафедры теории права и сравнительного правоведения, международно-правовой факультет, Московский государственный институт международных отношений (Университет) МИД России; 119454, Российская Федерация, г. Москва, Проспект Вернадского, д. 76; доцент кафедры публичной политики и истории государства и права, юридический институт, Российский университет дружбы народов; 117198, Российская Федерация, г. Москва, ул. Миклухо-Маклая, д. 6

ORCID: 0000-0001-7331-480X, SPIN-код: 9755-7574

e-mail: alena_trikoz@mail.ru

Бразил Дейлтон Рибейро – доктор юридических наук, Мессинский университет (Италия); Площадь Пульятти, 1 – 98122 Мессина; профессор бакалавриата и магистратуры по защите основных прав, Университет Итауны (Бразилия); Бразилия, 35680-142, Итауна, Родовия МГ 431 Км 45, s/n.

ORCID: 0000-0001-7268-8009, SPIN-код: 9755-7574

e-mail: deilton.ribeiro@terra.com.br; deiltonribeiro@uit.br

Гуляева Елена Евгеньевна – кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры международного права Дипломатической академии МИД России; 119034, Российская Федерация, г. Москва, ул. Остоженка, д. 53/2, стр. 1

ORCID: 0009-0002-2708-8332, SPIN-код: 1397-9068

e-mail: gulya-eva@yandex.ru

About the authors:

Elena N. Trikoz – Doctor of Legal Sciences, Associate Professor, Associate Professor of the Department of Theory of Law and Comparative Law, MGIMO University; 76 Vernadskogo ave., Moscow, 119454, Russian Federation; Associate Professor of the Department of Public Policy and History of State and Law, Law Institute, RUDN University, 6 Miklukho-Maklaya str., Moscow, 117198, Russian Federation

ORCID: 0000-0001-7331-480X, SPIN-code: 9755-7574

e-mail: alena_trikoz@mail.ru

Deilton R. Brasil – Postdoctoral Researcher in Law, University of Messina (UNIME), Italy; Piazza Pugliatti, 1 – 98122 Messina; Professor of Undergraduate and Postgraduate Programs (Master's and Doctorate) in the Protection of Fundamental Rights at Universidade de Itaúna (Itauna, Brazil); Rodovia MG 431 Km 45, s/n, Itaúna – MG, 35680-142, Brazil.

ORCID: 0000-0001-7268-8009, SPIN-code: 9755-7574

e-mail: deilton.ribeiro@terra.com.br; deiltonribeiro@uit.br

Elena E. Gulyaeva – Candidate of Legal Sciences, Associate Professor of the Department of International Law, Diplomatic Academy of the Ministry of Foreign Affairs of Russia; 53/2, build. 1, Ostozhenka str., Moscow, 119034, Russian Federation

ORCID: 0009-0002-2708-8332, SPIN-code: 1397-9068

e-mail: gulya-eva@yandex.ru